

Идея человекобога Ф.М. Достоевского в рефлексии авторов сборника «Вехи»

Научный руководитель – Евлампиев Игорь Иванович

Железняк Дарья Романовна

Аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет, Институт философии, Saint
Petersburg, Россия

E-mail: zheleznyak1999@yandex.ru

Философская рефлексия авторов сборника «Вехи» (1909) в той или иной степени соотносится с мыслью Достоевского, обнаруживает обращение к философскому мировоззрению писателя. Особенно большое значение для формирования замысла «Вех», на наш взгляд, имела художественная антропология Достоевского, которую можно назвать «вихревой антропологией».

«Вехи» – во многом прямое продолжение знаменитой Пушкинской речи Достоевского, в которой писатель формирует своего рода пушкинский миф, имеющий первостепенное цивилизационное значение. В этой речи Достоевский обратился к двум аспектам русской идеи, связанным с двумя характерными чертами русского народа – его «всемирной отзывчивости» и его спасительной религиозности, связанной с сохранением в народе подлинного образа Христа. Он призвал русского человека к свободе, которую видел в следовании за Христом, в культурном творчестве, в цивилизационном самостоянии. Значима и последовавшая за речью полемика, в которой были сформулированы важные комментарии писателя, уточняющие его мысли. В своем ответе Градовскому Достоевский дал свое понимание цельной гражданско-нравственной идеи, заявив, что общественных идеалов, не связанных органически с идеалами нравственными, а значит, и с религиозными, – «нет вовсе, не существовало никогда, да и не может существовать» [Достоевский 1984, с. 165]. Отрезанные от духовного корня гражданские «идеи», по Достоевскому, есть ни что иное как жалкое «спасение животиншек». Писатель же хочет говорить не о пользе, а об истине.

Н.А. Бердяев в своей веховской статье, посвященной теме абсолютной разницы между интеллигентской правдой и философской истиной, явно следовал за Достоевским. В статье философа, открывающей сборник, весьма значимая тема человекобожества, выступающая в качестве критерия поиска «человека в человеке» в художественном мире Достоевского.

С.Н. Булгаков раскрыл мифологему «человекобога» с точки зрения духовно-религиозного состояния русского народа и русских героев-интеллигентов в своей статье «Героизм и подвижничество», прямо апеллируя и к роману «Бесы», и к «Пушкинской речи», и к творчеству Достоевского в целом. Булгаковым проводится резкая граница между спасительным христианским подвижничеством и человекобожеским героизмом, ставящим себя на место Провидения и приписывающим себе «большую ответственность, нежели может понести» [Вехи 2022, с. 73]. Булгаков, как можно понять, видит проблему в понятии человекобога, но испытывает страх перед экзистенциальной свободой и решимостью, заключенной в нем.

Оценивая все варианты понимания диалектики богочеловечества-человекобожества в русской религиозно-философской мысли, можно увидеть две линии развития построений русских философов. Одна нацелена на резкое противопоставление человекобога богочеловеку, на полагание непреодолеваемой бездны между ними. Прежде всего это относится к С. Булгакову, которого Бердяев ставит в ряд представителей «нового православия», наряду с П. Флоренским, Е. Трубецким, В. Эрном и др. Для такого типа религиозного сознания характерна неутолимая жажда возврата в прошлое, в ситуацию, где вся мера

ответственности лежит на трансцендентном Боге и где человеку есть на что опереться вне себя. Если в мире настоящего божественных энергий нет, остается оправдание жизни только через полагание на себя бремени и послушания.

И есть другая линия, где интуитивно принимается присутствие божественного в человеке, где личность Христа понимается как образец пути духа для каждого отдельного человека, раскрывающего творческую, божественную природу в себе. Развитие этой линии ярко проходит от В.С. Соловьева и его одухотворения материи к Н. Бердяеву, Д. Мережковскому и С.Л. Франку, где внимание направлено в равной степени на богочеловеческое и человекобожеское и где они неразрывно связаны. Человекобог в таком случае открывает в себе бездну свободы не ко греху, а к развитию, итогом которого становится не пустынная гордыня духа, а творческое христианство, где идеал – богочеловек и богочеловечество.

Возвращаясь к статье Булгакова, мы видим, как в его рассуждениях проглядывает прекрасный, но внутренне искаженный образ Кириллова; Булгаков интерпретирует его образ как провозглашение самоубийством торжества смерти, торжества одиночества человеческой субъектности без точки опоры. К освобождению от ложного горделивого самоощущения непризванного спасителя мира призывает героев-интеллигентов Булгаков. Но именно в этом самоощущении и состоит трагизм усиленно «сознающих» людей Достоевского. По словам автора еще одной выдающейся статьи из исследуемого сборника – М.О. Гершензона, «сознание, оторванное от почвы, бесплодно расцветает пустоцветом» [Там же, с. 106]. У Достоевского некоторые герои имеют потенциал «высших личностей», но не реализуют этот потенциал: это в «мечтателе» из «Белых ночей», в «подпольном» человеке, в Раскольникове, выбравшем неверный путь, в inferнальном Ставрогине, застрелявшем при некотором духовном переходе и растратившем все свои силы. Однако это не означает, что путь «высшей личности» является ложным путем, это означает только его невероятную сложность для человека; именно это не видит Булгаков.

Одновременно необходимо отметить особый религиозный оптимизм философии писателя, отнюдь не совпадающий с социальным оптимизмом народничества, критикуемым С.Л. Франком в статье «Этика нигилизма». Строить социальный миф без основания в самом себе – тщетная симуляция. И снова мы выходим на «волю к мифу» как на ядро архитектоники идеализма веховцев, здесь они актуализируют и развивают мысль Достоевского о нравственном основании любых значительных и ценных социальных идей.

Итак, «Вехи» – плод мифологического проективизма, где анализируется диалектика сознания русского интеллигента в аспекте его исторической миссии. Важно обратить внимание, что проективизм здесь понимается именно в религиозном и культурном, а не сугубо социальном смысле, и потому во многом основу веховства составляют идеи автора «великого пятикнижия». Можно сказать, что «Вехи» обрели свое символическое содержание еще до выхода в свет – в структуре художественной философии Достоевского.

Источники и литература

- 1) 1. Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М.: РИПОЛ классик, 2022. 330 с.
- 2) 2. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 26. Дневник писателя, 1877, сентябрь-декабрь – 1880, август. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984. 518 с.